

З.Г. Сактаганова¹, Ж.С. Сыздыкова², Г.Б. Карсакова³

¹Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан;

²Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

³Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
(E-mail: zauresh63@mail.ru)

Из истории Акмолинской губернии: причины и последствия голода в начале 1920-х гг.

В статье рассмотрены мероприятия политики «военного коммунизма», осуществлявшейся Советской властью, как основная причина разразившегося голода в Акмолинской губернии в 20-е годы XX в. Проанализированы практика реализации этой политики и, как ее итог, тяжелое продовольственное положение населения губернии. Источники свидетельствуют, что продовольственный кризис, непрерывное выкачивание хлеба и наплыв голодающих беженцев усугубили бедствующее положение населения губернии. На основе архивных данных приводится общее количество голодающих по уездам Акмолинской губернии. Сделан вывод, что несмотря на то, что голод в губернии проявился в больших масштабах, Советской властью Акмолинская губерния так и не была признана голодающей.

Ключевые слова: история Казахстана XX в., Акмолинская губерния, голод 1921 г., политика «военного коммунизма», продовольственная разверстка, продовольственный налог.

Голод не обусловлен лишь природными катастрофами или кризисами. Зачастую в СССР причиной голода становились особенности осуществляемой экономической политики. Именно такие процессы проявились в крае в первые годы Советской власти. Октябрьская революция 1917 г. и смена властных структур, произошедшая в Центре и на местах, первоначально не оказывали ощутимого влияния на традиционное хозяйство казахов. Первые советские аграрные законодательные акты (Декрет «О земле», провозглашавший национализацию земли, законы о социализации земли 1918 г. и др.) имели ярко выраженный классовый характер. Однако сфера действия этих законов ограничивалась земледельческими районами, поэтому их реализация не повлияла на традиционные формы хозяйствования в Казахстане. Ситуация изменилась, когда в стране вспыхнула гражданская война. Именно тогда возобладали тенденции, направленные на ликвидацию частной собственности, свертывание товарно-денежных отношений; была введена «продразверстка». Эти и другие экономические меры Советской власти вошли в историю под названием «военный коммунизм».

Термин «военный коммунизм», по мнению Е. Гимпельсон, «суммирует те черты, особенности экономической политики Советской власти в годы гражданской войны и интервенции, которые были навязаны условиями войны» [1; 58]. Для политики «военного коммунизма» были характерны национализация крупной, средней, а также части мелкой промышленности, организация распределения без учета законов товарного хозяйства, свертывание товарно-денежных отношений, применение чрезвычайных мобилизационных методов в решении хозяйственных задач [1; 59]. В сельском хозяйстве политика «военного коммунизма» проявилась во введении «продразверстки». Каждая область, уезд, волость, каждая крестьянская община должны были сдавать государству заранее установленное количество зерна и других продуктов, в зависимости от предполагаемого урожая (определяемого весьма приблизительно): кроме зерна, сдавались картофель, мед, яйцо, масло, мясо, масличные культуры и т.д. [2; 125]. Каждая крестьянская община отвечала за свои поставки, и только после выполнения всех обязательств власти выдавали квитанции, дающие право на приобретение промышленных товаров в количестве намного меньшем, чем требовалось. Ассортимент промышленных товаров ограничивался немногими товарами первой необходимости: сахар, соль, спички, изредка инструменты. Особенно ощущался недостаток сельскохозяйственного инвентаря.

11 января 1919 г. был издан декрет о продразверстке, распространявшийся не только на хлебопроизводящие, но и на потребляющие губернии. Отличительной особенностью этого декрета являлось изменение самого принципа определения «излишков». Отныне излишком считалось то количество продуктов, которое было необходимо государству, что создавало как бы законное основание для изъятия не только действительных излишков, но и необходимого для крестьян продовольствия. При определении размера разверстки государство исходило не из фактических излишков продовольствия у крестьян, а из потребностей в продовольствии армии и городского населения. При

реализации продразверстки у крестьян изымались не только имевшиеся «излишки», но и зерно, и продукты, необходимые для прокормления крестьянской семьи и грядущего посева.

Параллельно в регионах вводились различные ограничения, касающиеся сельского населения. 10 июля 1920 г. в Акмолинском уезде за № 1002 был издан циркуляр, адресованный всем волостным ревкомам и начальникам участковой милиции, который запрещал населению обменивать хлеб на соль. Издание этого приказа было санкционировано Упродкомом (Управлением продовольственного комитета), который выполнял такую функцию, как распределение продуктов среди населения. В тот же день был подписан и другой циркуляр, предписывающий всем волостным исполкомам ускорить разверстку хлеба [3; 20]. Подобные инструкции легитимировали ужесточение методов при проведении продразверстки и провоцировали применение незаконных репрессивных мер в отношении мирного населения. Например, в казахских аулах Акмолинского уезда красноармейцы часто проводили обыски, в ходе которых применяли методы устрашения и забирали необходимое для крестьян продовольствие. В архивах зафиксировано, что, например, продотряды, подъезжая к аулу, начинали стрельбу в воздух: в такой ситуации казахские крестьяне, уже испытавшие на себе воздействие карательных отрядов Колчака, «забываются по своим юртам и как статуи смиренно смотрят на все зрелища, творящиеся красноармейцами» [3; 31].

В целях увеличения сбора продовольствия в Акмолинской губернии были созданы части особого назначения. Их задачей было силовое сопровождение ответственных лиц по изъятию излишка хлеба у населения. Как отмечено в документе: «напрячь до крайности все силы и все представленные средства, бросить все партийные и советские вооруженные силы и во что бы то ни стало, ни перед чем не останавливаясь, выполнить сто процентов задание. Необходимо всеми силами принуждения заставить сдать хлеб государству. Не останавливаться перед массовыми реквизициями, конфискацией или отчуждением хлеба от злостных неплательщиков» [4; 7].

Данные по Петропавловскому уезду: «за 1920 год было отправлено в центральные промышленные районы страны 2 408 738 пудов хлеба» [5; 4]. Из четырех уездов Северного Казахстана хлебная развёрстка была полностью выполнена только в Атбасарском уезде [6; 4]. Так, например, в Атбасарском уезде «у населения забирался весь хлеб, им не оставалось ни одного пуда для дальнейшего пропитания» [3; 49]. В период с 20 августа по 4 сентября 1920 г. была значительно форсирована разверстка зерна, поэтому план продразверстки, составлявший по Акмолинскому уезду 700 тысяч пудов, был перевыполнен — 913 тысяч 143 пуда [3; 27]. В сводках фиксировалось: «у населения берется последний семенной хлеб, в некоторых волостях изъяты все семенные приготовления на 1921 год» [3; 18]. Председатель Совнаркома В.И. Ленин, подводя итоги разверстки, констатировал: «Мы научились применять разверстку, т. е. научились заставлять отдавать государству хлеб по твердым ценам, без эквивалента. Мы знаем, конечно, хорошо, что кредитный билет не есть эквивалент хлеба. Мы знаем, что крестьянин дает хлеб в ссуду» [7; 357].

Одним из видов продовольственных разверсток была мясная, по которой местное население обязано было сдавать живой скот специально организованным экспедициям при губернском продовольственном комиссариате. В 1920 г. были организованы 4 такие экспедиции. Для обеспечения мясной разверстки был наложен запрет на забой скота для частной продажи, поэтому, чтобы забить скот для внутреннего пользования, хозяин должен был получить разрешение от волостного исполкома, подписанный председателем. При отсутствии разрешительного документа весь скот конфисковывался, крестьянин привлекался к ответственности в ревтрибунале.

В общей сложности по Омской губернии была наложена мясная разверстка (при пересчете на крупный рогатый скот) в 3 515 583 головы, к 15 апреля 1921 г. из них было изъято 1 401 783 голов, или 39,08 % от запланированного [8]. По данным газеты «Советская Сибирь» в течение 1920 г. по разверстке у казахского населения Кокчетавского уезда было изъято около 39 тысяч крупного рогатого скота (КРС), 20 тысяч баранов, в Атбасарском районе — 34 тысячи КРС и более 50 тысяч баранов, в Акмолинском уезде — 18 600 КРС и более 95 тысяч баранов, в Пресногорьковской волости Петропавловского уезда — 20 тысяч КРС и 29 тысяч баранов [9].

Казахское население оказывало пассивное сопротивление продработникам, прибегая в основном к привычным для них откочевкам, как основной форме неприятия проводимой политики. Начальник одной из заготовительных экспедиций в Атбасарском уезде в своей телеграмме заместителю начальника Омского губпродкома Бродскому писал: «Скот собрать [с] киргизских волостей (Акмолинской области. *авт.*) не представляется возможным. Киргизы откочевывают на юг, к реке Чу. [Со] Средне-Аргынского района скот поступает слабо». Тот же начальник экспедиции в другой своей телеграмме

требовал: «Срочно выслать продотряд в Атбасар [из] 500 красноармейцев для постановки [на] границе [с] Тургаем заградотряды. [В] противном случае [за] реку Чу на 900 верст из Атбасара уйдут крестьяне, не выполнив причитающейся [с] них скотской повинности» [4; 8].

8 октября 1920 г. председатель Павлодарского уисполкома Дибров телеграфировал о готовности к отправке скота в Омск. Однако возникла другая проблема, о которой он докладывал: «Пастухи голы, босы, бросают гурты, убегают. Скоту угрожает гибель. Сельпродком послал бесчисленное количество телеграмм [на] отпуск полушубков, пимов. [В] первую отправку требуется 50 комплектов. Убедительно прошу приказать губпродкому немедленно выслать это количество. Этим спасем от гибели скот» [10; 34].

Кроме хлеба и мяса, местное население по разверстке должно было сдавать и другие виды продукции сельского хозяйства: картофель, коровье масло, молоко, яйцо, овощи, табак, шкуру животных, конский волос, рога и копыта животных, в общей сложности более 30 наименований. Например, по приказу № 77 Омского губпродкома от 3 сентября 1920 г. на уезды Омской губернии была наложена картофельная разверстка в объеме 6 миллионов 800 тысяч пудов, в том числе на Атбасарский уезд — 165 тысяч, Акмолинский — 320 тысяч, Кокчетавский — 780 тысяч, Петропавловский — 800 тысяч [11].

В ответ крестьяне пытались обходить законы о продразверстке, утаивали сельхозпродукты, отказывались принимать утратившие платежную способность деньги. Однако основная цель государства — получить с помощью продразверстки необходимое для страны продовольствие — все же достигалась. Вместе с тем такая политика резко обостряла кризис сельского хозяйства, так как крестьяне не были заинтересованы в расширении производства продукции, у них не было для этого материальных стимулов. Это приводило к сокращению ими посевных площадей до потребительской нормы на семью. Используя метод принудительного товарообмена, к концу сентября продорганы заготовили только по Акмолинской губернии 3,5 миллиона пудов хлеба. Казахстан и Сибирь еще оставались хлебным краем, тогда как в Поволжье и в других районах России, на Украине начался страшный голод от неурожая [12; 26].

Невыполнение плана заготовок грозило чрезвычайными мерами, власть мобилизовала все организации и учреждения для решения проблем заготовок сельхозпродуктов, обвиняя партийные органы в недостаточном напряжении сил и ресурсов. 25 октября губернское продовольственное совещание постановило: «Слабость поступления продналога обуславливается помимо непреодолимых затруднений — состояния погоды и полного бездорожья — недостаточным напряжением сил местных советских партийных организаций... Продналог должен быть выполнен ценою каких бы то ни было жертв со стороны укомов и советских организаций. Признать необходимым, при дальнейшем отсутствии массовой ссыпки хлеба, производство поголовной мобилизации на продфронт всего советского и партийного аппарата. Организовать военно-продовольственную дружину, предложив губпрофсовету первоначально в минимальном размере дать для этой цели сто пятьдесят человек из местных сил — членов профсоюзов» [13; 300].

Голод, охвативший многие районы Северного Казахстана, стал закономерным следствием политики «военного коммунизма». О первых признаках надвигающегося голода в Казахстане было известно руководству страны еще в конце 1920 г., например, В.И. Ленин писал в своих записках: «Хлеб собирали под метлу. Ничего не осталось. Скотоводам надо помочь. Хозяйство разрушено войной. Пропаганда нужна...» [14; 307]. Признаки начала бедствия казахстанскими руководителями характеризовались следующим образом: «Земледельческое население, как первый свидетель будущего урожая, убедившись, что благоприятных результатов от посева ждать не приходится, запасов хлеба или материальных ресурсов нет, стало быстро сниматься с постоянного места жительства, ликвидируя кое-как остатки хозяйств, и обращаться в паническое бегство. Появление такого рода беженцев в городах, скопление на железнодорожных станциях и беспорядочные перемещения значительных караванов переселенцев в разных направлениях по КССР были показателем, что неизбежное бедствие началось. Усилились эпидемические заболевания, увеличилась детская беспризорность, одновременно с признаками голода начала развиваться холерная эпидемия, вскоре дошедшая до угрожающих размеров» [15; 4].

В номере губернской газеты «Мир труда» от 11 июня 1922 г. Магжан Жумабаев писал: «С осени 1921 года наша Акмолинская губерния сделалась ареной смертного шествия немого царя (голода. — *Авт.*). С тех пор киргизы нашей губернии на почве голода переживают те же испытанья и страдания, каковым в течение двух лет подвергнуты их братья в «верхних губерниях» Киргизской Республики».

Эту картину голода М. Жумабаев видел в Петропавловском и Кокчетавском уездах. По результатам поездки в этих уездах он представил доклад, в котором писал: «16 июля выехал в голодные западные волости Кокчетавского уезда для ознакомления с положением на местах... Был в Чунгурчинской, Карачинской, Мезгильской и Айыртавской волостях. Положение населения в вышеуказанных волостях действительно было катастрофическое. 90 % населения питалось ягодами. Был очевидцем многих заболеваний на почве голода» [16; 4 об]. В секретном докладе Кокчетавского уездного комитета от 12 декабря 1921 г. сообщалось: «Из Кривоозерного райкома уже в официальной сводке поступило еще более острое сообщение, в котором говорится, что в связи с развивающимся голодом появляются банды, именующие себя «махновцами». Население настроено враждебно. Голодные женщины толпой собираются около волисполкома и требуют хлеба или угрожают захватить ссыпункты. Таких примеров много» [17; 100].

Однако никакие факты о надвигающемся «голоде» в Акмолинской губернии не могли противостоять необходимости выполнения сдачи продовольствия государству, согласно установленной центральной властью норме. Непрерывный поток выкачиваемого хлеба ставил под угрозу возможность нормального проведения весенней посевной. 16 ноября на заседании Акмолинского губисполкома председатель Губпродкома Патрикеев сообщал: «Губпродкому предьявлено дать по продналогу центру 2 000 000, и эта цифра вряд ли будет собрана. Затем нужно принять во внимание снабжение воинских частей и т.д., приблизительно 500 000 пудов, а потому ясно, что посевкампания потерпит крах» [18;9].

В результате усиленной работы в центр было вывезено более 2 миллиона пудов хлеба [19; 164]. Несмотря на декларирование нового экономического курса, методы его проведения оставались по-прежнему насильственными. Для сбора продналога продолжали использоваться воинские части и продотряды. Голод в Акмолинской губернии был замечен главным образом в Петропавловском и Кокчетавском уездах, а затем и в других районах Вогуналинском и Оргинском Атбасарского уезда [3; 50]. Как докладывал председатель Акмолинского губернского чрезвычайного комитета помощи голодающим Воронов, «большинство населения Кокшетауского уезда голодает» [20; 8].

Ко второй половине 1921 г., по сведениям Акмолинского губисполкома, на территории губернии контингент голодающих, как беженцев Поволжья, так и местных, составил 440 тысяч человек. Так, в Акмолинском уезде число таковых составляло 66,5 тысячи человек, в Атбасарском — 110 тысяч, Кокчетавском — 115 тысяч человек, Петропавловском уезде – 150 тысяч человек [21; 56]. Акмолинская губерния оказалась переполнена беженцами голодающего Поволжья, которые проникли в уезды Акмолинской губернии.

В Кокчетавском уезде свирепствовал страшный голод. Имеется достаточно сведений, что «население северной, северо-западной и западной сторон уезда в целом ряде волостей и селений питается суррогатами, состоящими из березовой коры, березовых почек, ивовой коры, лебеды, сена, глины, соломы, и проч. с примесью от четверти до одной восьмой хлеба на фунт суррогату. Скот забивался для питания, как гужевой, так и рабочий... Достаточно случаев на почве голодовки всевозможных краж скота, хлеба из амбаров и мельниц, а также убийств граждан, везущих хлеб, с целью воспользоваться им». Документальные источники констатируют: «В настоящее время беднота питается разной сорной травой с примесью одной десятой части пшеницы, толкут их и мелят кость для потребления, съедаются скотские кожи и всё то, что имеет хотя бы одну сотую часть питательности» [4; 86]. «Население питается исключительно травой, последствием чего является опухание, переходящее в голодную смерть, случаев которой зарегистрировано немало» [4; 34].

Оперативные сводки ВЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии) констатировали: «Голод, связанный с продовольственным кризисом, определяет положение всех слоёв населения, исключая кулаков и спекулянтов. Большинство питается травой и падалью...» [22; 160]. Непосредственное воздействие суррогатов на человеческий организм было различным. Как утверждают исследователи, питание глиной вызывало непроходимость кишечника, особенно опасные — вплоть до смертельного исхода — в пожилом возрасте. Картофельная ботва вызывала понос, костяная мука из свежих костей также имела опасные последствия для человеческого организма [23; 315]. По официальным данным, в одном только Атбасарском уезде численность голодающих достигла 25 тысяч человек, в Карсакпае голодало около 40 % населения [23; 14].

Большие масштабы голод приобрел в Акмолинском уезде, имевшем репутацию самого плодородного уезда в Акмолинской губернии. Политика «военного коммунизма», неурожай и джунт начала

1920-х гг. в немалой степени способствовали появлению в уезде «призрака» голода Поволжья [23; 69].

Архивные источники сообщают о трагедии: «в губкомиссию ежедневно поступает масса ходатайств отдельных волостей и поселков с категорическим требованием оказания помощи. Большинство ходатайств поступает из Петропавловского и Кокчетавского уездов, где население уже питается разными суррогатами и падалью. Необходимо принять экстренные меры к ослаблению голода» [20; 110]. Положение в Акмолинской губернии группа делегатов Атбасарского и Кокчетавского уездов обозначила в заявлении в Компоследгол от 3 октября 1922 г.: «Положение в указанных уездах (Атбасарский и Кокчетавский), как в настоящее время, так и с прошлой зимы, ухудшилось. В уездах засуха и неурожай, в Акмолинской губернии в связи с этим постигший голод со всеми вытекающими из него последствиями... Население до настоящего урожая питалось корками деревьев, падалью и разными суррогатами. Хозяева, имевшие 10-15 голов скота, остались без ничего, весь скот употреблен для пропитания. Более или менее зажиточные сократили свои хозяйства на 50 %, за неимением хлебопродуктов. Такое положение сложилось в Атбасарском уезде в районах Приишимском, Средне-Аргинском, Баганалинском, Красивом, Кокчетавском уезде в районах: Кривоозерном, Константиновском, Балкашинском, части Щучьевского, и в Аксаринской, Кояндинской и Карачинской волостях. Все эти указанные районы, за исключением русских, исключительно занимались скотоводством и поэтому хлебных запасов не имели, а приобрести таковые было негде. Киргизские районы в посевной кампании семенными материалами не удовлетворялись. Были только частичные выдачи — 10 % всего требования. Большинство населения семенные материалы употребляло как продукт питания. Русские районы (самые беднейшие и пролетарские — которые имели маленькое хозяйство) при объявлении продналоговой кампании выплатили 100 % продналога. Делегаты просят: 1) Из КирЦИКа создать комиссию, чтобы рассмотреть вопросы о положении населения и выдаче хлеба и скота из фонда продналогов. 2) Отнести указанные уезды к разряду голодающих и по этой норме отложить продналоги на хлеб и на скот. 3) Предложить Наркомзему принять ударные меры по снабжению киргизского населения земледельческими орудиями и семенными материалами на предстоящую посевную кампанию 1923 г.» [3; 3].

Самым страшным явлением голода 1921–1923 гг. были факты о людоедстве среди местного населения. В связи с этим был издан специальный приказ НКВД: «Ввиду наблюдавшихся в районах, пораженных голодом, людоедства, и в целях борьбы с ним НКВД, НКЗДРАВ предлагают к руководству следующие меры борьбы. Лица, обличенные в людоедстве, не должны предаваться суду, ни к административным взысканиям. Обличенные в людоедстве люди, как психически ненормальный элемент, подлежат немедленной изоляции, и передаче органам здравоохранения, где таковые находятся до приведения их в нормальное состояние» [20; 69].

Советская власть попыталась исправить сложившееся положение. Например, для борьбы с голодом были созданы губернские чрезвычайные комиссии помощи голодающим (губпомгол), координировавшие деятельность всех органов в этом вопросе. Так, Акмолинская губернская комиссия помощи голодающим была организована 23 августа 1921 г. первоначально при Губкоме РКП (б), впоследствии — при Губернском исполнительном комитете на основании распоряжения Центральной Чрезвычайной Комиссии Помощи голодающим при Киргизии за № 4515 [3; 50]. Еще до организации губернской комиссии помощи голодающим в губисполком начали поступать из уездов губернии тревожные вести о недостатке собранного от урожая хлеба и начинающемся голоде. Вести эти были подтверждены докладами, присылаемыми уполномоченными исполкомов мест от волостей и поселков, голод в которых предрекался неизбежно. Первое время в задачи губком Помгола входили: добровольный сбор пожертвований среди населения губернии и отправления всего собранного в голодные губернии Поволжья. С этого губернская комиссия и начала свою работу. Для образования денежного и материального фонда Помгола в губернии устраивались периодические одно-, двух- и трехнедельники сбора пожертвований в пользу голодающих [3; 51].

В итоге 4 июля 1922 г. в Акмолинскую губернскую комиссию помощи голодающим Атбасарским уездом было сдано 5 пудов, 8 фунтов, 93 доли золота, монетами 246 рублей серебром и 9 фунтов 18 золотом. 26 июля 1922 г. по Кокчетавскому уезду изъято 4 пуда, 13 фунтов, 29 доли золотом и 15 рублей золотых монет [24; 12]. Также, с распространением голода в губернии и с увеличением количества голодающих, как беженцев, так и местного коренного населения, явилась неотложная необходимость открытия в городах столовых «для кормления ничего не имеющего населения». Например, в городе Петропавловске было открыто 8 столовых, в г. Кокчетаве — 5, в г. Атбасаре — 3,

в г. Акмолинске — 3 столовых. Всего в городах было открыто 19 столовых. В данных столовых ежедневно состояло на довольствии следующее количество голодающих: в г. Петропавловске — до 5000 человек, в Кокчетаве — до 1500 человек, в Атбасаре — до 1250 человек, в Акмолинске — до 1000 человек. В Кокчетавском уезде было открыто на средства местного населения 30 питательных пунктов, где кормились до 900 человек [3; 53]. Общее количество голодающих, зарегистрированных в губкомиссии, как местных, так и беженцев, в разгар голода (январь, февраль и март 1922 г.) достигло: Петропавловский уезд — 150000 человек, Кокчетавский уезд — 114000 человек, Атбасарский уезд — 10000 человек, Акмолинский — 66397 человек. В итоге: число голодающих составило 440397 человек, т.е. почти полмиллиона жителей губернии [3; 53].

Приведенные выше цифры в отношении голодающих не являются точными, но их можно считать начальной точкой отсчета, как официально зафиксированных. Но совершенно очевидно, что не все голодающие были учтены официальной статистикой. Коренное киргизское кочевое население не поддавалось никакому учету, так как миграции населения с одного места на другое были стихийными и не учитывались статистикой. От государства им продовольствия отпущено не было. Помощь осуществлялась по отношению к незначительному числу волостей. Выделенная помощь в связи с разгрузкой городов от голодающих беженцев губкомиссией была передана 25 голодным волостям Петропавловского уезда и составила 2050 пудов хлеба, также Богуналинскому и Оргинскому району — 1250 пудов хлеба. Часть средств губкомиссии уделялась на оказание помощи беспризорным детям. Так, постановлением от 11 февраля 1922 г. губернской комиссией Помгола было произведено расквартирование среди населения г. Петропавловска 300 детей для прокормления. В Петропавловске детские дома были ликвидированы за недостатком средств, и дети розданы населению волостей по одному и два человека на каждое трудовое хозяйство в количестве 1000 человек [3; 54].

В целом, по официальным данным, в Кирреспублике в связи со стихийным голодом смертность детей до 1-го года колебалась между 80-90 %, а старше одного года — между 50-60 %. Санитарное состояние детских домов в связи с их перегруженностью и неблагоустроенностью было ниже всякой критики: «грязь, зловоние, скученность, по 3-4 детей на одной койке, если таковые имеются, без матрацев, без одеял, без света; дети грязны, голы, босы, проводят целые дни в ожидании полуголодного обеда. Дети чахнут физически и тупеют морально» [25; 163]. Такое тяжелое положение наблюдалось почти во всех детских домах губерний.

Голод в немалой степени способствовал возникновению эпидемий таких заболеваний, как туберкулёз, тиф, оспа, малярия, холера и др. Например, в 1922 г. в Акмолинской губернии заболели тифом 36524 человека, холерой — 4731, малярией — 4234, цингой — 1137, дизентерией — 2780 человек [26; 7]. Начальник Акмолинского уездного здравотдела в своём докладе на губернском совещании отмечал, что «смертность киргиз от инфекционных заболеваний (тифа, оспы, туберкулёза) — огромная» [26; 8]. В Акмолинской губернии в 1922 г. умерли в больницах 8373 человека [23; 13].

6 июля 1922 г. постановлением Красного каравана КирЦИКа Атбасарский уезд был признан голодающим, так как голодающих насчитывалось свыше 100000 киргизского и русского населения. Вследствие этого было принято решение отменить государственный продналог с урожая 1921 г. и ходатайствовать перед ВЦИК Советов об утверждении данного постановления [27; 150]. Но, несмотря на бедственное положение населения, Акмолинская губерния официально так и не была признана голодающей. Это значит, что население губернии не освобождалось от налогов, не получало дополнительной продовольственной помощи. К ней, наоборот, были прикреплены для получения помощи Башкирская Республика и Кустанайская губерния [28; 13].

Необходимо отметить, что голодом в регионе были в большей степени охвачены южные волости Акмолинского и Атбасарского уездов, а Каркаралинский уезд, согласно официальным источникам, — в меньшей степени. Сам факт непризнания Акмолинской губернии голодающей не дал возможность развернуть работу Помгола, как этого требовала реальная ситуация, и, наоборот, часть местных ресурсов перераспределялась в другие губернии. Так, по требованию центра из губернии, несмотря на голод, было отправлено в г. Оренбург 5000 пудов и Башкирскую Республику — 1000 пудов хлеба. Также при непризнании голодающей Акмолинскую губернию в нее было допущено передвижение беженцев из голодных губерний, что усугубляло ситуацию.

Таким образом, интенсивное выкачивание хлеба, мяса и других видов продовольствия привели к голодному состоянию населения Акмолинской губернии. Замена продразверстки продналогом не улучшила в первые годы нэпа положения крестьянства. Таким образом, основными

причинами разразившегося голода стали продовольственная политика большевиков, завышенные нормы продразверсток, а также неоперативность местных органов власти, не оценивших своевременно размеры наступающего бедствия.

Список литературы

- 1 Гимпельсон Е.Г. Военный коммунизм. Политика, практика, идеология / Е.Г. Гимпельсон. — М.: Мысль, 1973. — 293 с.
- 2 Верт Н. История Советского государства. 1900-1991: пер. с фр. / Н.Верг. — М.: Прогресс-Академия, 1992. — 480 с.
- 3 ЦГА РК. Ф.1215. Оп.1.Д.19. Л.3-54.
- 4 ГААО. Ф.115. Оп.1. Д.60. Д.7-8, 34, 86.
- 5 СКГА. Ф.1482. Оп.1. Д.75. Л.63.
- 6 Советская Сибирь. — 1921. — 14 янв.
- 7 Ленин В.И. Политический доклад Центрального Комитета на VIII Всероссийской конференции РКП (б). 2 декабря 1919 / В.И.Ленин // Полное собрание сочинений. — 5-е. изд. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 39. — 624 с.
- 8 Советская Сибирь. — 1921. — 22 апр.
- 9 Советская Сибирь. — 1921. — 19 апр.
- 10 Каженова Г.Т. Политика Военного коммунизма в Северном Казахстане и его последствия / Г.Т. Каженова. — Алматы: ТSTгеографу, 2015. — 134 с.
- 11 Советская Сибирь. — 1920. — 8 сент.
- 12 СКГА. Ф.1616. Оп.1. Д.2. Л.26.
- 13 Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927) / Л.Н.Юровский. — М.: Финансовое изд-во, 1928. — 401 с.
- 14 В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. — 5-е. изд. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 42. — 607 с.
- 15 ЦГА РК. Ф.196. Оп.1. Д.40. Л.307-310.
- 16 СКГА. Ф.1 Оп.1. Д.39. Л.4.
- 17 СКГА. Ф.55 Оп.1. Д.28. Л.100-101.
- 18 ГААО. Ф.118. Оп.1. Д.1. Л.9.
- 19 Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О замене продовольственной развёрстки натуральным налогом» 21 марта 1921 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: учеб. пос. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 309 с.
- 20 ГААО. Ф.118. Оп.1. Д.13. Л.8, 69, 110.
- 21 СКГА. Ф.55. Оп.1. Д.26. Л.56.
- 22 ЦГА РК. Ф.30. Оп.1. Д.247. Л.160.
- 23 ЦГА РК. Ф.82. Оп.1. Д.212. Л.13-14, 69,315.
- 24 Сборник статей Государственного архива Акмолинской области за 2012-2014 гг. — Кокшетау, 2014. — 96 с.
- 25 ЦГА РК. Ф.5.Оп.2. Д.18. Л.163.
- 26 ЦГА РК. Ф.44. Оп.11. Д.63. Л.7-8
- 27 Новейшая история Казахстана. Сборник документов и материалов (1917-1939 гг.). — Алматы: Санат, 1998. — 302 с.
- 28 Северо-Казахстанская область в 1917-1957 гг. / под ред. А.Долгопятова, К.Л.Мелешко. — Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. — 156 с.

З.Г. Сактаганова, Ж.С. Сыздыкова, Г.Б. Карсакова

Акмола губерниясының тарихынан: 1920-шы жылдардың басындағы аштықтың себептері мен салдары

Мақалада Кеңес өкіметі жүргізген «әскери коммунизм» саясаты Акмола губерниясында ХХ ғасырдың 20-шы жылдарында басталған аштықтың негізгі себебі ретінде қарастырылды. Бұл саясаттың жүзеге асырылуына талдау жасалған және губернияның ауыр жағдайы сипатталған. Азық-түлік дағдарысы, астықты үнемі жинау және ашыққан босқындардың келуі губернияның ауыр жағдайын тереңдете түскені көрсетілген. Мұрағат мәліметтері негізінде авторлар Акмола губерниясының уездері бойынша аштыққа ұшырағандардың жалпы санын көрсеткен, сондай-ақ губерниядағы аштықтың фактісі кең ауқымда көрініс тапқан, алайда Акмола губерниясы мен оның уездері аштыққа ұшырады деп мойындалмады деген қорытындыға келді.

Кілт сөздер: ХХ ғасырдағы Қазақстан тарихы, Акмола губерниясы, 1921 жылғы аштық, «әскери коммунизм» саясаты, азық-түлік салғыртығы, азық-түлік салығы.

Z.G. Saktaganova, J.S. Sizdikova, G.B. Karsakova

From the history of the Akmola province: causes and consequences of famine in the early 1920-ies

The article discusses the policy of «military communism» carried out by the Soviet authorities as the main cause of the famine in the Akmola province in the 20 th years of the XX century. The practical embodiment of this policy is analyzed and the plight of the province is characterized. It is noted that the food crisis, the continuous pumping of bread and the influx of starving refugees exacerbated the poor situation of the province. On the basis of archival data, the total number of hungry people in the counties of Akmola province is given. The author came to the conclusion that the fact of the famine in the province was manifested on a large scale, but the Akmola province with the uyezds was never recognized as starving.

Keywords: History of Kazakhstan of the twentieth century, Akmola province, the famine of the 1921, the policy of «military communism», food tax, food charge.

References

- 1 Gimpelson, E.G. (1973). *Voennyi kommunizm. Politika, praktika, ideolohiia* [Military Communism. Politics, practice, ideology]. Moscow: Mysl [in Russian].
- 2 Vert, N. (1992). *Istoriia Sovetskogo gosudarstva 1900-1991* [The history of the Soviet state. 1900-1991]. Moscow: Prohress-Academiia [in Russian].
- 3 CSA KR. F.1215. I.1. D.19. P.3-54.
- 4 SAAR. F.115. I.1. D.60.P.7-8, 34, 86.
- 5 NKSA. F.1482. I.1. D.75.P.63.
- 6 *Sovetskaia Sibir* [Soviet Siberia]. 1921, 14 January, 4 [in Russian].
- 7 Lenin, V.I. (1970). Politicheskii doklad Tsentralnogo Komiteta na VIII Vserossiiskoi konferentsii RKP (b). 2 dekabria 1919 [Political report of the Central Committee at the VIII All-Russian Conference of the RCP (B.). 2 December, 1919]. *Polnoe sobranie sochinenii – Full. Collect. Op.* (5d. ed., Vol. 39). Moscow: Politizdat [in Russian].
- 8 *Sovetskaia Sibir* [Soviet Siberia]. 1921, 22 April [in Russian].
- 9 *Sovetskaia Sibir* [Soviet Siberia]. 1921, 19 April [in Russian].
- 10 Kazhenova, G.T. (2015). *Politika Voennogo kommunizma v Severnom Kazakhstane i ego posledstviia* [Politics of Military Communism in Northern Kazakhstan and its Consequences]. Almaty: TST company [in Russian].
- 11 *Sovetskaia Sibir* [Soviet Siberia]. 1920, 8 September [in Russian].
- 12 NKSA. F.1616. I.1. D.2.P.26.
- 13 Yurovsky, L.N. (1928). *Denezhnaia politika Sovetskoi vlasti (1917–1927)* [Monetary policy of the Soviet power (1917-1927)]. Moscow: Finansovoe izdatelstvo [in Russian].
- 14 Lenin, V.I. (1970). *Polnoe sobranie sochinenii* [Full. Collect. Op.]. (5d. ed., Vol. 42). Moscow: Politizdat [in Russian].
- 15 CSA KR. F.196. I.1. D.40. P. 307-310.
- 16 NKSA, F.1. I.1. D.39.P.4.
- 17 NKSA. F.55. I.1. D.28.P.100-101.
- 18 SAAR.F.118. I.1. D.1.P.9.
- 19 Dekret Vserossiiskogo Tsentralnogo Iсполnitel'nogo Komiteta «O zamene prodovolstvennoi razverstki naturalnym nalohom» 21 marta 1921 hoda [The decree of the All-Russian Central Executive Committee «On changing the layout of food natural tax» 21 March 1921]. *Khrestomatiia po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava – Reader on the history of Russian state and law.* (1994). Moscow: Izdatelstvo MHU [in Russian].
- 20 SAAR. F.118. I.1. D.3.P.8, 69,110.
- 21 NKSA. F.55. I.1. D.26. P.56.
- 22 CSA KR. F.30. I.1. D.247.P.160.
- 23 CSA KR. F.82. I.1. D.212.P.13-14, 69, 315.
- 24 Sbornik statei Hosudarstvennogo arkhiva Akmolinskoi oblasti za 2012-2014 hh. [Collection of articles of the state archive of Akmola region for 2012-2014]. (2014). Kokshetau [in Russian].
- 25 CSA KR. F.5. I.2. D.18.P.163.
- 26 CSA KR. F.44. I.11. D.63.P.7, 8.
- 27 Noveishaia istoriia Kazakhstana. Sbornik dokumentov i materialov (1917-1939 hh.) [The newest history of Kazakhstan. Collection of documents and materials (1917-1939)]. (1998). Almaty: Sanat [in Russian].
- 28 Dolgopyatov, A., Meleshko, K.L. (Eds.). (1957). *Severo-Kazakhstanskaia oblast v 1917-1957 hh.* [North-Kazakhstan region in 1917-1957]. Alma-Ata: Kazhosizdat [in Russian].